

его личным управлением оркестрами Московских Императорских театров. Многотысячные слушатели, переполнявшие громадный зал Благородного Соборна съ напряженным вниманием слѣдили, какъ звуки описывающа величайшее въ христіанскомъ мірѣ событіе Христова Воскресенія. Тутъ слышались и звуки ангельскаго привѣтствія, и радостное „Христосъ Воскресе“, и „Да воскреснетъ Богъ“, и восторженное ликование всѣхъ христіанъ подъ несомлаемымъ звукомъ колоколовъ.

Во время исполненія боишься свободно перевести духъ; вся многотысячная толпа, словно зачарованная великимъ художникомъ, сидитъ не шелохнется. Громъ рукоплесканій и радостныхъ привѣтствій посылаемыхъ по окончаніи увертюры великому композитору, кажется какою-то уродливою, жалкой благодарностью въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ намъ далъ.

Его сборники русскихъ пѣсенъ составляютъ богатый вкладъ въ нашу до крайности бѣдную образцовыми сочиненіями пѣсенную литературу. Но главная заслуга Н. А. лежить въ его операхъ, съ безконечною красотою разработкою темъ и оркестровки. Онъ положилъ въ нихъ всю свою душу и отдалъ имъ весь свой полувѣковой композиторскій опытъ, а потому, каждая написанная въ нихъ страница, принималась одинаково съ восторгомъ и ученымъ музыкантомъ, и простымъ слушателемъ. Однѣ только простой перечень названій ихъ ясно указываетъ, какъ онъ любилъ русскіе сюжеты, взятые у русскихъ же народныхъ поѣтъ: Пушкина, Гоголя, Мѣя и другихъ („Сказка о Царѣ Салтанѣ и о Прекрасной Царевнѣ Лебеди“, „Сказаніе о невидимомъ градѣ Китежѣ и дѣвѣ Февроніи“, „Майская ночь“, „Ночь передъ Рождествомъ“, „Сигыурочка“, „Садко“, „Царская Невѣста“, „Боярыня Вѣра Шелого“, „Кощей Безсмертный“, „Псковитянка“, „Монархъ и Сальери“ и недавно законченная послѣдняя опера, ставшая лебединой пѣсною „Сказка о Золотомъ Пѣтушкѣ“).

Римско-Корсаковъ былъ не только композиторъ, но и даровитѣйшій музыкантъ—педагогъ, воспитавшій множество выдающихся молодыхъ силъ, составившихъ себѣ извѣстность не только въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами. Съ какою любовью онъ съѣзжалъ, прививалъ и вращивалъ въ нихъ любовь къ музыкѣ, и какіе получались результаты,—можно видѣть изъ слѣдующаго небольшого перечня, взятаго изъ бывшихъ его учениковъ: Глазуновъ—Директоръ СПб. Консерваторіи, Ипполитовъ—Ивановъ—Директоръ Московской Консерваторіи, Аренскій (скончавшійся)—бывшій Директоръ Придвора. Пѣвч. Капеллы, Ядовъ—Профессоръ при регентскихъ классахъ Придвора. Пѣвч. Кап., Сакетти—профессоръ—СПБ. Консерваторіи, Гречаниновъ—выдающийся композиторъ. Для тысячи тѣхъ лицъ, кто не могъ пользоваться его личными указаніями, онъ издалъ учебникъ по Теоріи Композіціи, выдержавшій столько изданій, сколько до сихъ поръ въ Россіи не выдерживало ни одно теоретическое сочиненіе по музыкѣ.

Вѣчную память ты создадъ себѣ своими произве-

деніями, и вѣчную память съ глубокою скорбью о вознагражденіи потерѣ скажетъ тебѣ за нихъ русскій народъ.

Никодимъ Дмитриевъ.

## IV.

### † Одна изъ немногихъ.

(Некрологъ).

11 мая 1908 года въ 4 часа по-полудни скончалась въ гор. Дарищѣхъ благочестивая старица Марія Ивановна Маслова, имѣя отъ роду около 70 лѣтъ. Покойная всю свою жизнь прошла путемъ христіанскаго подвига крестовошенія. Рано осиротѣвъ, она съ своимъ братомъ и сестрами перенесла много скорбей и горя. Вышедши въ первый разъ замужъ за небогатаго мѣщанина, она не оставляла безъ притора и маленькихъ своихъ сиротъ—брата и сестеръ. Съ материнскою заботливостію, при помощи Божіей, она устроила въ жизни и этихъ сиротъ. Какого труда и заботы стоило ей это устройство своихъ братья и сестеръ, объ этомъ Марія Ивановна иногда въ откровенной бесѣдѣ съ близкими людьми высказывалась и называла эту первую часть своей жизни безпрерывнымъ и тяжелымъ трудомъ и непрестаннымъ заботомъ и о мужкѣ и о своихъ дѣтяхъ и о сиротахъ. Впослѣдствіи, лишившись сперва дѣтей, а потомъ и мужа, она вторично вышла замужъ за человѣка уже пожилого, отличающагося строго нравственнымъ жизнью, набожностью и особенно любовію къ храму Божію. Съ нимъ она повела жизнь высоко-христіанскую и, можно сказать, монастырскую. Ежедневныя посѣщенія храма Божія за богослуженіями, ежегодная путешествія къ моштамъ св. Угодниковъ благодворенія и пожертвованіе на храмы и богадѣльни—вотъ что было главнымъ дѣломъ ихъ жизни.

Когда же Марія Ивановна лишилась и второго мужа, то она окончательно перешла къ монашескому образу жизни. Живя въ своемъ маленькомъ домикѣ, служившемъ пріютомъ для многихъ бѣдниковъ, она постоянно была окружена монахинями разныхъ монастырей, съ которыми проводила время въ молитвѣ и чтеніи душевнеспасительныхъ книгъ. Въ истинно христіанская жизнь и благотворительность привлекала къ ней не мало людей, ищущихъ помощи и духовной и матеріальной. И никто не уходилъ отъ нея неутѣшеннымъ и тощимъ.

Послѣднія 10 лѣтъ своей жизни Марія Ивановна тяжкой болѣзнію—параличемъ рукъ и ногъ прикована была къ постели: не могла находить, ни вставать. Эту тяжкую свою участь покойная переносила съ замѣчательнымъ христіанскимъ терпѣніемъ. Въ рѣчахъ ея можно было всегда услышать истинную преданность и безропотную покорность волѣ Божіей.

Больная, но исполненная твердой вѣры въ Милосердія Господа, она постоянно молилась и неустанительно въ положенное время прибѣгала за подкрѣпленіемъ духовныхъ своихъ силъ къ благодатнымъ и спасительнымъ таинствамъ Св. Церкви. И съ какою глубокою вѣрою и благоговѣніемъ она всегда присту-

пала къ Св. Троицамъ. При взглядѣ на несъ изможденную догвореннымъ болѣзненнымъ недугомъ, всенки могъ убедиться, что единственно только благодатная сила ея глубокой вѣры въ Бога поддерживала ея догоравшую жизнь, особенно въ послѣдніе годы.

За эти годы Марія Ивановна особенно проявила дѣла милосердія благотворения. Много усердныхъ жертвъ принесла она Господу Богу жертву на благоуукрашеніе храмовъ Божіихъ въ вѣдѣвшихъ селеніяхъ и монастыряхъ. Намъ извѣстно, что ея благотворительностью, украсены нѣкоторые храмъ въ селахъ Саратовской, Симбирской и Курской губерніяхъ. Не оставила она своею благотворительностью и страждущихъ въ больницахъ, а послѣдній, и очень крупный, ея жертва принесла была родному городу Парижю на построеніе новаго Александро-Невскаго собора, въ суммѣ четырнадцать тысячъ шести сотъ рублей (14—600 р.). Эта жертва оказалась весьма своевременною и много поможетъ дальнѣйшему производству строительныхъ работъ городского собора. Такія порядкомъ, Марія Ивановна изживала и расточала данныя ей отъ Бога земное сокровище, готовящая себѣ сокровище небесное.

Благодарные граждане г. Парижъ съ усердною молитвою и съ искреннимъ чувствомъ глубокаго соблаговѣнію проводили покойную 13 мая сего года къ мѣсту вѣчнаго ея упокоенія. Погребеніе было пышною, но при многочисленномъ стеченіи молящихся, совершено было въ сослуженіи многихъ священниковъ мѣстнымъ Благочиннымъ, священникомъ о. Ст. Каверзевымъ, который въ произнесенномъ надгробномъ словѣ, вспоминая истинно христіанскую жизнь покойной и ея христіанскія добродѣтели, выразилъ духовную радость благодареніе Господу Богу, что Отецъ, Милосердый Отецъ всѣхъ, воздвигаетъ въ назиданіе намъ изъ среды нашего современнаго, *неудачнаго думомъ*, общества такихъ ревностныхъ исполнителей заповѣй Спасителя Христа Бога Нашего.

Миръ праху Твоему, благосчастная старлица и вѣрна раба Божія Марія! По предложенію о. Благочиннаго градековъ духовенство выразило желаніе творить поминаніе почившей во всѣхъ храмахъ г. Парижъ на теченіе 40 дней, и въ Соборный Синодикъ имя дочившей внесено для вѣчнаго поминанія.

Свацъ П. *Вѣдомое*

### Неслышанная выходка.

Русская интеллигенція, шатающаяся за границей, блестяще демонстрировала недѣлю двѣ тому назадъ свое отношеніе къ религіи и нравственности.

Въ день годовщины Цусимы веселѣлись русскіе парижане вадумали устроить японскій праздникъ. —

Удивимъ, дескать, французомъ. Эти мало развитые французы проникнуты до сихъ поръ «квашенымъ патриотизмомъ» отъ головы до пятки. Они безъ обиды сердечной до сихъ поръ о Седанѣ и Мецѣ вспомнить не могутъ. Вотъ, мы, русскіе интеллигенты, свое перредовое презрѣніе къ отечеству имъ и должны показать.

Задумано сдѣлано. Скандально. Да и какъ сдѣлано то? Скандаль наши соотечественники закатили такой, что вся патриотическая печать во Франціи противъ русскихъ рветъ и мечеть. Устроитель японскаго праздника, лицо, по словамъ «Libre Parole», занимающее официальное положеніе, состоитъ въ дружельскихъ отношеніяхъ съ однимъ богатымъ жидомъ-французомъ и японско-французъ. А жидъ, послѣ изгнанія монаховъ изъ Франціи, купилъ въ собственность монастырь «Христова Сердца».

И вотъ, по просьбѣ нашихъ соотечественниковъ, жидъ уступаетъ имъ подъ «японскій праздникъ» храмъ этой обители.

Приглашается масса лицъ изъ веселящагося международнаго Парижа, но особенно много было русскихъ. Французъ изъ порядочныхъ, поважнѣе на «праздникъ» по недоразумѣнію, былъ прямо подавленъ надостою кощунства и безнравства.

Одинъ изъ «номеровъ» праздника былъ таковъ. Изъ ризницы появился закутанный въ покрывало дѣвка, приблизилась къ престолу, стала на него, сбросила покрывало и оказалась совѣтъ голый.

И пока эта распутница кривлялась на престолѣ, оркестръ игралъ увертюры изъ русскихъ оперъ, а публика рукоплескала.

Такъ расказываетъ глубоко возмущенное «Свободное Слово» Дрюмона.

Вѣсть объ этомъ «японскомъ праздникѣ» облетѣла всю Францію и вѣрующіе французъ-патриоты глубоко возмущены.

Французцы поражаютъ это чудовищное самооплечиваніе. Есть ли Цусима—событіе, которое могъ бы праздновать хоть одинъ русскій человекъ?

Но эта сторона дѣла касается все-таки только самихъ русскихъ. Если есть такіе уроды, которые глумятся надъ отечествомъ, то пусть они съ отечествомъ и раздѣляются. Французамъ возмущаетъ другое.

Гдѣ русскіе интеллигенты оскорбили всѣхъ вѣрующихъ французамъ, устроивъ пошлѣнное зрѣлище въ храмъ молитвы.

Какъ мы слышали, французскіе патриоты сообщили во всѣхъ подробностяхъ о происшедшемъ нѣкоторымъ членамъ нашей Государственной Думы.

Слѣдуетъ обудивать богохульниковъ, иначе гнѣвъ Божій поразитъ весь народъ. —